

НОВЫЕ
РУССКИЕ «ЗВЕЗДЫ»

ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ — САМ СЕБЕ ТЕАТР

Сегодня за его пьесы уже борются московские театры. А пару лет назад его первыми зрителями в Москве были семнадцать человек, посмотревших в фойе Театра Армии **будущий хит Евгения Гришковца «Как я съел собаку»**, сочиненный под впечатлением службы на Дальневосточном флоте, детства и всех прожитых, не таких уж солидных, лет. **Спустя два года он уйдет с заключительной церемонии главного театрального фестиваля страны, держа в каждой руке по «Золотой маске»** (одну от жюри — за новаторство, другую от критики, которая не определяет номинацию своей премии, — просто по любви).

Ольга ФУКС

Многие, да и сам он пытались дать определение феномену *Евгения Гришковца* — «русский народный Пруст», «новый сентименталист», сам себе театр... А зрители (и, как уже показывает гастрольная практика, — не только российские) узнают в его историях, размышлениях и рефлексиях себя, свои страхи и ощущения, свои надежды и маленькие радости. В принципе, *его история* — это история абсолютно свободного человека.

— Можно ли сказать, что вы создали в Кемерове театр «Ложа», потому что вас страшила перспектива стать после окончания филфака школьным учителем?

— Перспектива такая была вполне реальной. Тем более что театра как такового в Кемерове не было, и я вообще не представлял, как он существует. Я довольно серьезно занимался пантомимой, но не предполагал, что выйду с этим на сцену. Может быть, если бы я не ушел в армию и окончил университет как положено, в двадцать один год, никакого бы театра не было. Возможно, я пошел бы в науку, потому что видеть, как маленькие дети приходят в школу, при всей очевидной необходимости, просто не могу.

Создание театра предполагает в человеке наличие лидерских качеств, а сейчас вы как-то этим волком-одиночкой.

— Меня самого удивляло, что мне удалось создать театр и руководить. Первые два года удивлялся, потом перестал удивляться и стал просто руководить. А впоследствии начал уже тяготиться. Потому что актеры, особенно в маленьком театре провинциального города, вешают на режиссера не только профессиональные, но и все житейские проблемы. Это только так говорится, что актеры зависят от режиссера — на самом деле режиссеры очень зависимы. И только когда я расстался с театром, доведя свою работу в нем до логического конца, я понял в тот момент, как хорошо остаться одному.

— Что вы ставили в «Ложе»?

— Я ничего там не ставил. Мы делали спектакли, но это не были постановки.

— ?

— Мы не брали готовых пьес, а создавали спектакль во время репетиций на тему, определенную заранее. Наши спектакли вырастали, как кристалл. Мы много разговаривали, придумывали, и потому актеры становились как бы соавторами текста. Я тщательно создавал у актеров иллюзию, что они являются полноценными авторами, чтобы они чувствовали себя счастливыми людьми. То есть я пытался сделать абсолютно счастливый театр, где у актера было бы ощущение независимости и реализации себя не только как профессионала, но и как человека, мужчины, что очень важно. Конечно, такие актеры не смогли бы работать в обычном театре, где надо заучивать чужой текст, вступать в подобающие взаимоотношения с режиссером.

Досье «ВМ»

Драматург, режиссер, актер Евгений Гришковец родился в 1967 году. Учился на филологическом факультете Кемеровского университета, где создал молодежный театр «Ложа». Служил на флоте. После десятилетнего руководства «Ложей» оставил и театр, и Кемерово, переехав в Калининград. В настоящее время, живя в Калининграде, играет в Москве два своих моноспектакля «Как я съел собаку» и «ОднорвЕмЕнно». Кроме того, в Москве поставлены две пьесы Евгения Гришковца «Записки русского путешественника» («Школа современной пьесы», постановка Иосифа Райхельгауза) и «Зима» (антрепризный проект, постановка Виктора Шамирова). В «Школе современной пьесы» готовится к постановке его спектакль «Город». Евгений Гришковец — лауреат премии «Антибутик» и двух «Золотых масок». Женат, имеет дочь.

— Ваши моноспектакли оформлены так бесхитро, что кажется, будто все, что для них нужно, помещается в одном чемоданчике.

— Я привык делать все сам. Сам все привожу, распаковываю, вбиваю гвозди, натягиваю веревочки. Мне так спокойнее и надежнее и, главное, быстрее получается. Я делал так, когда еще никому не нужен был в Москве, я и сейчас так делаю.

— Мужчины, отслужившие в армии, по-разному относятся к этому опыту. Одни уверены, что он необходим, другие считают армию потерянным временем. Если бы у вас был сын, вы отпустили бы его в армию?

— Мне часто снится, что меня

забирают служить снова и я не могу сообщить родным, что меня забрали, и с ужасом понимаю, что летят к черту все планы, и тем не менее еду служить снова, безропотно еду. Я не могу понять, что это было такое, у меня нет ответа. Перед тем как мне вручили «Золотую маску», я сказал кому-то: «Раньше мне казалось, что я служил зря, а теперь — не зря». Но в той школе унижения, которая была на службе, нет никакой пользы.

— Так как же все-таки насчет сына?

— Не знаю, у меня дочь... Думаю, что сын бы не захотел туда идти, а если бы не захотел, я бы ему в этом помог.

— Почему для «побега» из Кемерово вы выбрали именно Калининград: не Запад и не Россия, не столица и не провинция?

— Вот и отлично. Хотя, конечно, это провинция, да еще какая. Даже больше, чем провинция — не российская, не европейская, вообще не понятно что такое. Это анклав, что мне и нравится. Калининград не очень включен в переживания тех процессов, которые происходят в России, и в которые я не хочу так уж сильно включаться — хочу на все иногда смотреть со стороны. Хотя постоянно жить и работать там не могу — слишком хорошо знаю, что такое театр в маленьком городе.

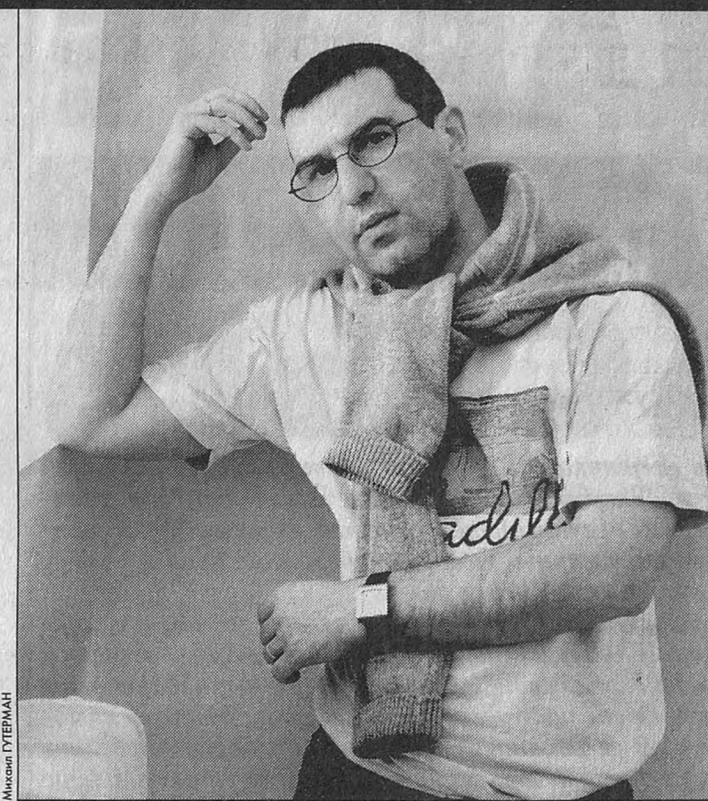
— Сколько времени вы там проводите?

— Процента сорок три.

— Вы не могли хотя бы примерно описать ваш распорядок дня?

— А никакого распорядка. Люди обычно днем работают, вечером идут домой. А у меня в Москве только работа, а там только дом, какая-то жизнь и никакого порядка. Порядок только в голове. По крайней мере, я стараюсь его наводить, расчищая те зоны, которые предназначены для работы. Когда начинаешь работать над новым текстом, настраиваешься на какую-то тему, даже удивляешься — такое впечатление, что мир только и делает, что подбрасывает тебе подтверждения твоей правоты.

Сейчас у меня появился график — я знаю, что я буду играть 23 марта, потом 4 апреля, потом поездка во Францию, и уже рас-

Михаил ПУТЕРМАН

писывается октябрь. Если бы вы знали, как мне это не нравится. Как будто я все эти дни уже прожил.

— А не страшно жить, когда наоборот, ничего не расписано?

— Не страшно, я вообще не очень-то пуглив. Когда мы уехали в Калининград, там вообще не было никаких перспектив. Было жутковато, но парализующего страха не было. Я знал, что что-то произойдет и работал, занимался собой.

— А жена?

— Жена ждала от меня решения, ведь я же несу ответственность. Жили без денег. Помогал отец. Иногда я уезжал в Москву, хотя у меня там не было никаких обязанностей, мотался по городу, сердился на себя, но понимал, что должен быть здесь. Общался с людьми. Играл свой спектакль, когда приглашали, иногда сам просился поиграть. Никогда не просил денег.

— А давали?

— Нет, не давали, только когда спектакль «Как я съел собаку» появился на театральной карте Москвы, стали платить, причем я никогда не обсуждал размер гонорара — соглашался на то, что дают. Если бы я в Москве начал пробиваться, так и занимался бы только пробиванием. Но вообще, мою коротенькую историю, которая еще не известно куда приведет, нельзя рассматривать как пример для подражания или типичную ситуацию.

— Булгаковский лирический герой в «Театральном романе» писал пьесу, точно видя перед собой коробочку с фигурками. Как пишете вы?

— Сажусь и пишу. У меня в Калининграде очень красивая кухня. Жена купила зеленые льняные занавески. Первый этаж. В окно видно какое-то потрясающее дерево немецкое, занесенное в Красную книгу, — его почем-то называют бояркой. Оно цветет всю весну красными цветами, и никаких листьев. Я люблю писать на кухне рано утром, когда жена уводит дочку в детский сад, и этот час самый плодотворный. Пишу очень быстро (это самое приятное), а вот думаю долго. Потом в течение дня подхожу к столу, чтобы что-то добавить. Главное, чтобы листочки мои никто не трогал, хотя стол и кухонный.

— Ваши пьесы во многом основаны на идиоматических выражениях и особенностях нашей замечательной ментальности. Понимают ли вас за границей, куда вас часто приглашают? Контролируете ли вы переводы своих спектаклей?

— Да, я приезжаю за пару дней, чтобы поработать с переводчиком. Но я настаиваю и уверен, что в моих спектаклях особенности менталитета не воспроизводятся. Меня интересует только универсальное. А вот что касается реалити, тут нужно все проверить с переводчиком — знакомы или не знакомы им какие-то понятия. Как-то мы играли в Бонне «Записки русского путешественника». На спектакль пришли и русские эмигранты, и немцы. Русские потом благодарили: «Спасибо, что привезли, — только немцы все равно ничего не поняли». Как же те были возмущены и обижены! Да, говорили, может быть, мы не знаем, что такое Сочи, но у нас тоже есть что-то подобное. А так, нам все понятно!

— Есть ли в вашем личном опыте что-то такое, что бы вы никогда не решились перенести в пьесу?

— Все мои частные опыты, подробности, истории, из которых и состоит жизнь, не могут быть предметом художественного интереса. Во мне меня интересует только то, что универсально для всех, что происходит со всеми.

— А как проверить, что в человеке универсально, а что частно?

— Раньше не понимал, а сейчас у меня выработался некий способ, который я даже объяснить не могу, и каждая деталь из текста быстро проходит обработку, чтобы стало понятно — универсально это или нет.

— Не поняла, вы на ком-то проверяете ваши наблюдения, сравнения, сюжетные ходы?

— (Интеллигентно взрываясь.) Никогда не занимаюсь опытами над людьми! Никогда не провоцирую на разговоры, которые могут быть мне полезны для того, чтобы что-то написать. Никогда не моделирую ситуацию, чтобы что-то для себя выяснить. Я слишком серьезно отношусь к жизни и другому человеку. Я живу ПО-НАСТОЯЩЕМУ и не являюсь в жизни просто сторонним наблюдателем.